

На правах рукописи

Куликова Ю. С.

Куликова Юлия Сергеевна

**Влияние личности переводчика на перевод художественных
произведений: гендерный аспект**
(на материале русского, английского и немецкого языков)

Специальность 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

2 ИЮН 2011

Челябинск – 2011

Работа выполнена на кафедре французского языка и межкультурной коммуникации ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Нефёдова Лилия Амиряновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Песина Светлана Андреевна
кандидат филологических наук, доцент
Волкова Татьяна Александровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Орский гуманитарно-технологический институт» (филиал) ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

Защита диссертации состоится « 17 » июня 2011 г., в 12 часов, на заседании диссертационного совета ДМ 212.295.05 при ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69, конференц-зал (ауд. 116).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Челябинского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан « » мая 2011 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Л.П. Юздова

Общая характеристика работы

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению проблем влияния гендерной принадлежности переводчика на перевод художественных произведений.

Актуальность проведенного диссертационного исследования продиктована необходимостью установления влияния личности переводчика, а именно, его гендерной принадлежности на выбор языковых средств при переводе художественных произведений с одного языка на другой. Категория «гендер» рассматривается в работе посредством сравнительного анализа переводов, выполненных мужчинами и женщинами с английского и немецкого языков на русский. «Гендерный» вопрос занимает одно из ведущих мест в лингвистических исследованиях, однако в переводоведении практически не изучался, например, недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с влиянием гендерной принадлежности переводчика на прагматику перевода, на сохранение стиля и прагматических установок оригинала. Вместе с тем, полученные в работе данные свидетельствуют о том, что гендерные исследования в переводоведении способствуют как дальнейшему развитию теории перевода, так и большей точности собственно переводов с одного языка на другой.

Объектом исследования выступают англоязычные и немецкоязычные художественные произведения и их переводы на русский язык, выполненные переводчиками с разным гендерным статусом (мужчинами и женщинами).

Предметом исследования являются характерные особенности женских и мужских переводов.

Цель настоящего исследования заключается в изучении влияния гендерной принадлежности переводчика на переводы художественных произведений, что позволяет осмыслить реализацию гендера как социокультурного феномена в переводоведении.

Исходя из цели исследования, были определены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть понятие «гендер» как лингвистический феномен, обусловленный социолингвистическими и культурными факторами, а также современные принципы анализа этого явления в языкознании.
2. Разработать критерии для сравнительного анализа переводов, выполненных переводчиками мужчинами и женщинами.
3. Выявить и проанализировать характерные особенности перевода художественного произведения с учетом гендерной принадлежности переводчика.

Теоретической базой исследования стали: труды по современной гендерологии как зарубежных авторов (С. Бовуар, С. Бем, Ш. Берн, О. Есперсен, Д. Камерон, Р. Лакофф, Дж. Катфорд, Д. Таннен, К. Уэст), так и отечественных (Н. Д. Арутюнова, Э. Н. Болтенко, Е. И. Горошко, В. И. Жельвис, А. А. Залевская, Е. А. Здравомыслова, Е. А. Земская, И. Н. Кавинкина, Ю. Н. Караулов, А. В. Кирилина, М. А. Китайгородская, Т. А. Клименкова, Е. С. Кубрякова, А. С. Мамонтов, Л. А. Нефёдова,

Т. М. Николаева, Л. Н. Пушкарев, Н. Л. Пушкарева, А. А. Розанова, Т. В. Рябова, М. В. Томская, И. И. Халеева и др.).

При проведении анализа переводов художественных произведений нами были использованы труды Л. С. Бархударова, А. А. Горбачевского, В. И. Карасика, В. Н. Комиссарова, Т. Б. Крючковой, Т. Р. Левицкой, Д. Майера, Я. И. Рецкера, А. Ф. Фёдорова, А. Д. Швейцера, Р. О. Якобсона и др.

Материалом для настоящей работы послужили тексты и переводы современных англоязычных и немецкоязычных романов («Дьявол носит Прада» Л. Вайсбергер, «Волк и голубка» Е. Вудивисс, «Лето счастливых дураков» У. Данелла, «Воспоминания слуги Венеры» Д. Марлоу, «Всё самое лучшее» и «Одинокий орёл» Д. Стил, «Любовный архив» У. Фаес, «Дневник Бриджит Джонс» и «Бриджит Джонс: Грани разумного» Х. Филдинг, «Ты боишься темноты?» С. Шелдон, «Орлы и ангелы» Ж. Цее). Общий объем проанализированных в работе англоязычных и немецкоязычных романов составляет 3170 страниц, а также 3786 страниц переводов.

Для достижения цели исследования и решения поставленных задач использовались следующие **методы**: *описательный метод*, включающий приемы лингвистического наблюдения, сопоставления, систематизации и интерпретации выбранных единиц; *сопоставительный метод*, позволяющий выявить общие и специфические особенности рассматриваемых образных средств; *прием количественной обработки экспериментальных данных*.

Научная новизна данной диссертационной работы заключается в исследовании особенностей перевода художественных произведений с учетом гендерной принадлежности переводчика, в попытке обобщить влияние гендерного статуса переводчика на адекватность художественного перевода, на передачу авторской прагматики.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в изучение проблемы влияния гендерной принадлежности переводчика на процесс перевода. Полученные результаты исследования расширяют представление о роли гендерной принадлежности переводчика в процессе передачи прагматики автора оригинала, а также могут быть использованы в теории языка, гендерной лингвистике, и в освещении гендерных вопросов теории перевода, в частности, перевода художественных произведений.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в сопоставительном языкознании, гендерной лингвистике, в курсах по теории перевода, в обучении художественному переводу. Результаты работы имеют практическую значимость для переводчиков художественной литературы. Учет гендерной принадлежности переводчика при переводе способствует повышению качества перевода и более точной передаче прагматических установок автора.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Социально и культурно обусловленная категория «гендер» имеет ключевое значение в переводоведении при рассмотрении проблемы сохранения прагматического потенциала текста.

2. Расхождения в использовании образных средств в мужском и женском языках проявляются в оригинале переводимых произведений в том смысле, что женская проза отличается большим разнообразием в использовании тропов, а также на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

3. Мужчина-переводчик, сталкиваясь в тексте с типично женской лексикой и стилем, переводит его под влиянием своего гендерного статуса, что проявляется в некотором снижении авторской коннотации, эмоциональной окрашенности произведения и нарушении прагматики автора.

Диссертация прошла **апробацию**. Основные положения исследования обсуждались на заседаниях кафедры французского языка и межкультурной коммуникации государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет», а также в докладах на Пятой международной научно-практической конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2010), на Четвертой международной научно-практической конференции «Языковая система и социокультурный контекст в аспекте когнитивной лингвистики» (г. Чебоксары, 2010), на международной научно-практической конференции «Синергетическая лингвистика vs. Лингвистическая синергетика» (Пермь, 2010) и на Первой международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (Магнитогорск, 2010). Основное содержание работы представлено в двенадцати публикациях, в том числе в двух статьях научного журнала «Вестник Челябинского государственного университета», входящего в список изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяются объект, предмет, цель, формулируются задачи, описываются этапы и методы исследования, раскрываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «**Теоретические основы изучения гендера в языкознании**» представлено описание теоретической базы исследования. В рамках изучения гендерного аспекта в переводе важным является рассмотрение данной категории в связи с языковой личностью переводчика, поскольку при чтении переведенной литературы читатель зависит от переводчика, его умения передать прагматику оригинального произведения

средствами переводящего языка. При этом выбор определенных образных средств обусловлен рядом факторов: картиной мира, культурой, индивидуальными характеристиками, стереотипами, а также гендерной принадлежностью переводчика. В рамках данного исследования особое внимание уделяется вопросам гендера.

Обобщение исследований, посвященных влиянию гендера на личность (М. Д. Городникова, Е. И. Горошко, И. А. Гусейнова, Е. А. Земская, И. Н. Кавинкина, А. В. Кирилина, О. В. Митина, Е.В. Митрохина, С. К. Табурова, И. И. Халеева и многие другие), позволило сделать вывод, что гендерная принадлежность говорящего не биологический пол, а социальная роль и культурная традиция влияют на его речевое поведение. При этом гендер трактуется как социокультурный конструкт, охватывающий различия в поведении, ролях, ментальных и эмоциональных характеристиках между женским и мужским обществами.

Анализ работ Г. С. Двиняниновой, Е. И. Горошко, И. С. Кона, С. К. Табуровой, И. Н. Кавинкиной, М. А. Китайгородской, Н. Н. Розановой, Н. Л. Пушкаревой и А. Е. Чучина-Русова показал: ввиду того, что женщины и мужчины проходят разную социализацию в детстве, у них вырабатываются разные речевые привычки, которые заключаются в предпочтении тех или иных языковых средств. Однако важным является понимание того, что все различия носят спорадический характер. Следовательно, непроходимых границ между мужской и женской речью нет. При этом указанными авторами все же выделяются черты, характерные для речевого поведения мужчин и женщин. Данные особенности проявляются на разных уровнях языка: на морфологическом – женская речь, в отличие от мужской, характеризуется более частым употреблением слов со значением уменьшительности-ласкательности для выражения отношения к объектам или явлениям, междометий и конструкций с местоимениями *такой, так, какой*; на лексико-стилистическом уровне мужская речь характеризуется высокой частотностью употребления инвектив (бранной лексики), профессионального жаргона и неологизмов; на синтаксическом уровне – мужские тексты отличаются от женских своей краткостью.

Данные исследования позволили выделить критерии для сопоставительного анализа языка романов в зависимости от гендерной принадлежности авторов. Сравнение проводилось по наиболее значимым параметрам отличия мужской и женской речи. По частотности употребления тропов (метафора, сравнение, эпитет); на морфологическом уровне (употребление междометий); на лексическом уровне (использование диминутивов, бранной лексики, прилагательных в превосходной степени); на синтаксическом уровне (употребление вопросительных и восклицательных предложений).

Во второй главе исследование ведется в двух направлениях: с одной стороны, рассматриваются образные средства языка, характерные для произведений мужчин и женщин, пишущих на одном языке, с целью выявления различий языков авторов в связи с их гендерной

принадлежностью и выделения критериев для анализа переводов. Во-вторых, выделенные критерии используются для выявления особенностей языка переводчиков с разным гендерным статусом при переводе одних и тех же романов, написанных женщинами. Раскрывается специфика перевода данных произведений, отражающих восприятие окружающего мира переводчика, его гендерную принадлежность; рассматриваются образные средства, которые используются переводчиками для достижения адекватности в переводе; проводится сопоставительный анализ данных средств.

Сопоставительному анализу подверглись произведения, написанные мужчинами и женщинами. Анализ был проведен с целью исследования языковых и речевых различий писателей в зависимости от их гендерной принадлежности. Далее указано количество упомянутых выше языковых средств, используемых авторами на 100 страниц каждого романа.

В результате проведенного исследования выявлены различия в употреблении образных средств данными авторами.

Большую образность романам, написанным женщинами, придают эпитеты, метафоры и сравнения, частотность которых гораздо выше, чем в мужских произведениях.

В романе У. Данеллы: эпитетов – 1374; метафор – 290; сравнений – 68.

В романе Х. Филдинг: эпитетов – 1404; метафор – 120; сравнений – 76.

В романе У. Фаеса: эпитетов – 1164; метафор – 31; сравнений – 30.

В романе Д. Марлоу: эпитетов – 908; метафор – 195; сравнений – 52.

В употреблении междометий также видна разница в количественном отношении.

В романе У. Данеллы: междометий – 58.

В романе Х. Филдинг: междометий – 124.

В романе У. Фаеса: междометий – 4.

В романе Д. Марлоу: междометий – 30.

Значительна разница в количестве используемых диминутивов в «женских» и «мужских» произведениях.

В романе У. Данеллы: диминутивов – 16.

В романе Х. Филдинг: диминутивов – 18.

В романе У. Фаеса: диминутивов – 8.

В романе Д. Марлоу: диминутивов – 3.

Примечательной является разница в употреблении бранной лексики. Частотность употребления инвектив в «женском» романе выше, чем в «мужском».

В романе У. Данеллы: инвектив – 4.

В романе Х. Филдинг: инвектив – 58.

В романе У. Фаеса: инвектив – 1.

В романе Д. Марлоу: инвектив – 5.

Численность прилагательных в превосходной степени сравнения выше в романах, написанных женщинами.

В романе У. Данеллы: прилагательных в превосходной степени сравнения – 25.

В романе Х. Филдинг: прилагательных в превосходной степени сравнения – 44.

В романе У. Фаеса: прилагательных в превосходной степени сравнения – 11.

В романе Д. Марлоу: прилагательных в превосходной степени сравнения – 18.

Для придания тексту большей выразительности и эмоциональности женщины-авторы чаще употребляют вопросительные и восклицательные предложения.

В романе У. Данеллы: вопросительных предложений – 220; восклицательных – 77.

В романе Х. Филдинг: вопросительных предложений – 232; восклицательных – 164.

В романе У. Фаеса: вопросительных предложений – 138; восклицательных – 12.

В романе Д. Марлоу: вопросительных предложений – 142; восклицательных – 10.

Результаты анализа свидетельствуют о наличии расхождений в использовании образных средств в мужском и женском языках на уровне переводимых произведений.

Однако следует отметить, что резких границ между мужской и женской речью в немецком и английском языках нами не было отмечено. Перечисленные выше особенности представляются в виде тенденций употребления.

Выбор художественных произведений, в частности, романов, написанных женщинами, в качестве материала исследования обоснован тем, что художественная литература представляет собой наиболее сложные для перевода тексты. Несмотря на то, что в романах затрагивается весьма ограниченный круг тем (жизнь женщины в условиях большого города, одиночество, карьера, любовь), средства, используемые для раскрытия этой тематики, разные. Переводчику в таком случае необходимо передать характерный колорит произведения, сохраняя при этом речевые особенности оригинала.

На качество и адекватность перевода, как показывает исследование, оказывают влияние не только особенности языков или различия между языком оригинала и языком перевода, но и гендерная принадлежность переводчика.

Наряду с анализом переводов, нами был проведен эксперимент. Поскольку переводы романов встречаются только в одном варианте – мужском или женском, то в рамках исследования в эксперимент были привлечены другие переводчики: 4 женщины (А. Н. Дробышева, Ю. В. Зубова, Е. С. Ионова, И. М. Юсупова) и 4 мужчины (М. В. Антонов, Р. И. Валеев, Д. И. Тимофеев, В. И. Якубин). Для перевода им были предложены 45 отрывков из англоязычных и немецкоязычных романов («Дневник Бриджит Джонс» и «Бриджит Джонс. Грани разумного»

Х. Филдинг, «Дьявол носит Прада» Л. Вайсбергер, «Одиноким орел» Д. Стил, «Волк и голубка» Е. Вудивисс, «Лето счастливых дураков» У. Данелла и др.), содержащих выделенные нами образные средства: по 10 отрывков, содержащих эпитеты, метафоры, сравнения; по 3 отрывка, содержащих междометия; диминутивы, инвективы и прилагательные в превосходной степени; вопросительные и восклицательные предложения. Всего переводчиками было переведено 384 отрывка. Основные цели эксперимента – найти черты, отличающие текст женщины-переводчика и мужчины-переводчика от текста оригинала, и определить, каким образом это влияет на прагматический потенциал текста перевода. Полученные в ходе эксперимента переводы были подвергнуты тщательному анализу. В исследование включены переводы, не содержащие фактических ошибок, без нарушения лексико-грамматических и синтаксических норм, отвечающие целям сообщения и сохраняющие эмоциональную окраску исходного текста.

Анализ переводов показал следующее:

– переводчицы-женщины, подтвердили представление о женщине как о более эмоциональном, экспрессивном существе, что отражается в их языке: здесь наблюдается большее количество тропов и стилистических выразительных средств. Приведем несколько характерных примеров:

«She spent ten years at the helm of French "Runway" before Elias transferred her to the number-one spot at American Runway, the ultimate achievement» [Weisberger 2006: 28].

«После того, как она провела десять лет у штурвала французского «Подiums», «Элиас» отправил её руководить американской версией журнала, что было уже потолком всевозможного продвижения» [Вайсбергер 2007: 34, перевод Т. Н. Шабаевой].

В данном отрывке примечательным является тот факт, что переводчица вносит метафору в перевод: выражение «the ultimate achievement» можно перевести, например, как «большое достижение», однако Т. Н. Шабаева вводит метафору «было уже потолком всевозможного продвижения». Подобные изменения не повлияли на прагматику текста.

«Is that supposed to be funny? Is that your idea of having a sense of humor?» her smile disappeared and she was leaning forward in her seat, looking like a hungry vulture that was impatiently circling its prey. I've made it clear a dozen times already! [Weisberger 2006: 275].

«Вы думаете, это смешно? Это вы так хотите доказать, что у вас есть чувство юмора?» – улыбка исчезла, она вся подалась вперед – точно-точно стервятник, описывающий последние круги над беззащитным цыпленком. – «Я уже двадцать раз вам сказала об этом!» [Вайсбергер 2007: 293, перевод Т. Н. Шабаевой].

Сравним с переводом, выполненным переводчиком-мужчиной в ходе нашего эксперимента:

«Это что, смешно, по-вашему? Это вы так шутите?» – улыбка исчезла с её лица, и она наклонилась вперед – словно хищница, забившая в

угол свою добычу. — «Я же сто раз вам повторяла!» [перевод В. И. Якубина].

Переводчик использует прием генерализации, трансформируя английское «vulture» в «хищницу», обобщая обозначаемое понятие. Поскольку в тексте речь идет о женщине (именно её сравнивают с хищной птицей), то вполне оправданным можно считать употребление в переводе существительного женского рода («хищница» вместо «стервятник»).

Некоторые варианты переводов, выполненные переводчицами, отмечены недостатком выразительных средств, в первую очередь, когда речь шла об описании героинь, т. е. образы женщин в текстах переводов зачастую малопривлекательны.

«Ein anderes Bild tauchte vor meinen Augen auf, eine junge Frau, von Vaters Armen umfassen; ein schmales Gesicht, langes, dunkles, zurückgekämmt Haar., glattes Stirnhaar tief in die Stirn fiel» [Danella 1999: 65].

«Перед глазами возникла другая картина: молодая женщина обнимает отца, у неё худое лицо, её длинные темные волосы зачесаны назад, гладкая, длинная челка спадает на лоб» [перевод А. Н. Дробышевой].

«Иная картина предстала перед моими глазами. Молодая женщина в отеческих объятиях; узкое личико, длинные, темные, убранные назад волосы, гладкая челка, падающая на лоб» [перевод В. И. Якубина].

В отрывке речь идет о центральном персонаже — девушке, вокруг которой разворачиваются основные события романа. Кроме того, совершенно очевидно, что автор с симпатией относится к героине, тщательно прописывая образ. Переводчицы склонны убирать детали, например, «ein schmales Gesicht» можно было перевести как «маленькое личико» или «eine junge Frau» как «юная девушка», что более соответствовало прагматике автора оригинала.

Соотношение передачи метафор, сравнений и эпитетов с учетом сохранения их образности следующее:

- 1) мужские переводы — 62%;
- 2) женские переводы — 89%.

Проанализировав упомянутые романы, мы констатировали, что одним из приемов придачи экспрессии и выразительности произведению, является ирония, достигаемая использованием устаревшей лексики, которая не вполне вписывается в речь нашего современника. Для воспроизведения иронии в переводе передается, прежде всего, сам принцип контрастного столкновения, то есть сопоставляется несопоставимое:

«The whole hellish ordeal only took a few minutes, but by the time it was over, we were all exhausted from anxiety» [Weisberger 2006: 175].

«Эти адовы муки обычно занимали не больше нескольких минут, но к тому времени, как все заканчивалось, мы валились с ног от усталости» [Вайсбергер 2007: 189, перевод Т. Н. Шабатовой].

«Эти испытания занимали всего несколько минут, но к концу всего этого мы были измождены до предела» [перевод В. И. Якубина].

Выделенное выражение относит читателя к религиозным, библейским сюжетам; меньше всего вероятность встретить подобную лексику в романах для женщин. В данном случае автор использует выражение «hellish ordeal» для демонстрации иронии в создавшейся сложной ситуации. С одной стороны, примерка платья является повседневным занятием, которое не предполагает отрицательных эмоций, но с другой – автор настолько нагнетает обстановку, что это обыденное действие героиня сравнивает с «адскими муками». В переводе уместным является перенос иронии на язык перевода с учетом авторский прагматики.

It did not seem to me that he really understood the theory. But maybe that was because Mark's spiritual soul isn't very advanced, which could actually prove to be another problem in our relations. "Forgive us our trespasses as we forgive those who trespass against us"! 'Isaid indignantly. Just then the phone rang [Fielding 1999: 77].

Мне показалось, Марк не совсем понял мою теорию. Возможно, потому, что его духовное развитие недостаточно высоко, – доказываю существование еще одной проблемы в наших отношениях. - "Да остави же нам долги наши, якоже мы оставляем должникам нашим"! – возмущенно процитировала я. Тут зазвонил телефон [Филдинг 2000: 92, перевод А. Н. Москвичева].

Ирония автора в оригинале проявляется в использовании приема «совместить несовместимое»: героиня романа, Бриджит Джонс, современная, независимая, сильная с виду женщина, со своими пороками и слабостями. Она много курит, злоупотребляет алкоголем и обсуждает людей с подругами; и тем комичнее выглядит произнесённая ею цитата из Библии, подкреплённая мыслями о том, что её возлюбленный еще недостаточно духовно развит. В этом плане переводчику, подобравшему эквивалент цитаты, удалось сохранить прагматику автора.

Соотношение передачи образности иронии:

- 1) мужские переводы – 46%;
- 2) женские переводы – 69%.

В современных романах высокая частотность употребления междометий и их перевод, как правило, не вызывает у переводчиков проблем. Однако междометия отличаются по оттенкам значений. Если роман написан о любви («Сокровище по имени няня» К. Спенсер, «Всё самое лучшее» Д. Стил), то в речи героини преобладают такие междометия, как «Ah!», «Oh, God!», «Oh!». В современных социальных романах приоритет имеют междометия «Ha!», «Ba!» или «Uh!».

«- How do you know if you're addicted to the Internet? – you realize you don't know the gender of your three best friends.' Haaar Waagh. Harharhar. You can't write full stops any more without adding co.uk. BAAAAAAAAAAAA! You do all your work assignments in HTML protocol. Blaaaaagh harhar. Braaah. Hahah» [Fielding 1999: 55].

«Как узнать, что ты попал в зависимость от Интернета? – И ты понимаешь, что не можешь определить пол трех своих лучших друзей.

– *Ха-а-а! Ва-а-а! Ха-ха-ха-а-а!* – В наше время уже нельзя просто поставить точку, не добавив "сот". – Ты планируешь всю свою работу по протоколу HTML? *Ба-а-а, ха-ха-ха, ба-а-а, ха-а-а-а!* [Филдинг 2000: 63, перевод А. Н. Москвичева].

В данном примере переводчик добавляет знаки прерывания (в переводе точки заменены на восклицательные знаки). Однако объяснить, почему переводчик проигнорировал междометие, выделенное автором (*ВAAAAAAAAAAAA!*), достаточно сложно. Данный монолог свидетельствует о лёгком, весёлом характере героини, из-за которого она порой попадает в сложные ситуации, но который помогает ей их переживать. Опускание данного междометия не является оправданным в отношении передачи авторского замысла.

«Oh Scheiße, sage ich, ich habe vergessen, dass der auch hier ist. Schön oder, sagt Tom. Er stellt die Kartons auf den Kassentisch, lehnt sich dagegen und schiebt die Hände in die Taschen» [Zeh 2001: 38].

«Вот, черт, – говорю я, – я же совсем забыл, что этот тоже тут». «Прекрасно», – отвечает Том. Он ставит картонные коробки на стол кассы, облакачивается на него и прячет руки в карманах» [перевод Е. И. Тимофеева].

В переводе последнего отрывка переводчик, вероятно, под влиянием стереотипа о меньшей эмоциональности мужчин, заменяет междометие «о» на «вот». Учитывая душевное состояние героя, запутанность ситуации, адекватным являясь употребление в переводе междометия «о», выражающего его неподдельные эмоции, вместо прагматичного «вот».

“Oh, du eingebildeter Narr!” stieß sie hervor und stemmte die Hände gegen seine Brust [Danella 1999: 178].

“Ах, ты, высокомерный глупец!” воскликнула она, прижав руки к груди [перевод Е. И. Тимофеева].

Действия в данном романе происходят в средние века, когда в обществе были распространены стереотипные представления о слабости и эмоциональности женщин. Выражение отчаяния героини переводчик Е. И. Тимофеев передаёт с помощью междометия «Ах», что, на наш взгляд, более соответствует прагматике русскоязычного читателя.

Изменение или опущение междометий при переводе:

- 1) мужские переводы – 32%;
- 2) женские переводы – 0%.

К наиболее часто встречающимся методам придания переводу чувственности, по нашим наблюдениям, относится также употребление переводчицами диминутивов:

«Sie sang ihre Seligkeit über das Leben, über die Welt, über den lieben Gott, der sie geschaffen, so jubelnd gegen den Himmel, als sei ihr schwarzer Leib ein Dom, ihre Kehle die Orgel und ihr kleines Herz die ewige Lampe des Lebens» [Danella 1999: 52].

«Она с наслаждением пела о жизни, о мире, о любимом Боге, которого она сама и создала, так, будто её тело было храмом, горлышко – органом, а её сердечко – вечно горящей лампадкой жизни» [перевод Д. С. Ионовой].

Для сравнения:

«Она блаженно пела о жизни, о мире, о Боге, который её создал торжественно вопреки небесам, как будто её тело было собором, голос органом, а маленькое её сердце – вечной лампой жизни» [перевод Е. И Тимофеева].

В предложенном отрывке интенция автора ясна: он выражает нежное и трепетное отношение к юной героине, о которой идет речь. Не случайны здесь сравнения с церковными атрибутами, через эти сравнения её образ сближается со святыней, хрупкой и уязвимой. Диминутивы отражают не столько размер, сколько ласкательное отношение автора, поэтому перевод выделенного атрибутивного сочетания представляется более удачным в женском варианте перевода.

Full of self-righteous indignation, I stormed inside the building and ignored the disapproving stares from the small group of Clackers in the corner – I saw Benji stepping off the Bergman elevators but quickly turned my back so I didn't waste anymore time... [Weisberger 2006: 156].

Преисполненная праведного возмущения, я ворвалась в здание, не обращая внимания на неодобрительные взгляды кучки трескунов и трещоток – возле лифтов «Бергмана» я заметила Бенджамина, но, не желая терять больше ни секунды, повернулась к нему спиной [Вайсбергер 2007: 167, перевод Т. Н. Шабаевой].

Сравним перевод данного отрывка с полученным «мужским» переводом:

Негодую, я ворвалась в здание, не обращая никакого внимания на неодобрительные взгляды небольшой группы сплетников – возле лифта увидела Бенджи и быстро отвернулась, чтобы не тратить на него время [перевод Е. И Тимофеева].

В данном случае автор показывает пренебрежительное отношение к персонажам, распускающим слухи о главной героине, профессиональная жизнь которой вызывает у читателей сочувствие. В оригинале используется не только существительное «clackers» – трещотки, сплетники, – но и прилагательное «small», которое усиливает негативное отношение к этим персонажам. Кроме того, учитывая прагматическую установку автора, уместно назвать сплетников «кучкой», что несет отрицательную коннотацию, а не «группой». Более удавшимся в этом отношении является перевод, выполненный переводчицей.

Соотношение передачи диминутивов для выражения отношения к предметам и явлениям:

- 1) мужские переводы – 19%;
- 2) женские переводы – 98%.

При переводе инвектив переводчицы также использовали разные стратегии: в большинстве случаев женщины передавали коннотативное

значение оригинальной инвективы, мужчины, напротив, избегали употребления бранных выражений:

«On the first go-round of fittings, I'd walked by the closet just in time to hear Nigel shouting, 'Miranda Priestly! Take that rag off this second. That dress makes you look like a slut! A common whore!» [Weisberger 2006: 237]

Представим перевод отрывка, выполненного переводчиком, который использовал прием опущения:

«На первой примерке я как раз оказалась у двери кладовой и отчетливо слышала громкий голос Найджела: «Миранда Пристли! Сию же секунду снимите это тряпье. Оно дешево! Вы похожи на легкомысленную девицу!» [перевод В. И. Якубина].

Инвективы «slut» и «whore» относятся к разряду грубых, ругательных выражений, употребление которых неоправданно даже в неформальной обстановке, в разговорной речи. Вместо них переводчик употребляет эвфемизм «легкомысленная девица». Возможно, переводчику непонятна установка автора, который в этом эпизоде показывает, что неуязвимая и вселяющая страх начальница – это женщина, которая, являясь эталоном стиля и примером для всех, боится осуждения окружающих. Поэтому ради достижения результата может выдержать оскорбления от стилиста. Более приемлемым, отвечающим авторскому замыслу, стал бы перевод с прямым переносом значения указанных инвектив.

Зачастую инвективная лексика передает оттенки пренебрежения, неодобрения или презрения к явлениям или людям:

«Ich bin einfach nur ein willenloses Stück Scheisse, das sich in die eine oder andere Ecke schaufeln lässt, ganz egal. Das mit der Scheisse stimmt schon mal, sagt er, aber...» [Zeh 2001: 107].

«Я просто безвольный кусок дерьма, что позволяет швырять себя лопатой из угла в угол, мне на все плевать. Насчет дерьма, - сказал он, - это верно, но...» [перевод Ю. В. Зубовой].

Верно трактуя эмоциональную составляющую отрывка, Ю. В. Зубова переносит буквальный смысл фразы в перевод.

Соотношение передачи инвективной лексики:

1. мужские переводы – 23%;
2. женские переводы – 82%.

Значимое статистическое различие в женских и мужских переводах имеет перевод прилагательных в превосходной степени. Переводчики-мужчины предпочитают аналитическую форму превосходной степени, посредством употребления определительного местоимения «самый», в то время как женщины – синтетическую, образующуюся с помощью прибавления к основе прилагательного суффикса *-ейш*, характерную для письменной разновидности речи и имеющую большую выразительность.

«I did just get a job at a really famous magazine with one of the most powerful women in the industry. A job a million girls would die for» [Weisberger 2006: 31].

«Я всё-таки буду работать в очень известном журнале, у одной из самых влиятельных женщин в этой отрасли» [Вайсбергер 2007: 37, перевод М. Д. Малкова].

«Я недавно получила работу в очень известном журнале, у одной из влиятельнейших женщин в этой индустрии. Работу, ради которой миллионы девушек готовы умереть» [перевод Д. С. Ионовой]

Соотношение передачи прилагательных в превосходной степени аналитическим и синтетическим способами:

- 1) мужские переводы – 5%;
- 2) женские переводы – 76%.

Текст перевода, выполненный женщиной, во многих случаях обладает большей выраженностью эмоциональных значений. Это достигается не только путем использования более экспрессивной лексики, но и при помощи синтаксиса. Примером могут служить восклицательные и вопросительные предложения, которые часто употребляются во внутренних монологах героев и в диалогической речи.

«Charity and small business – isn't that clever? Anyway they raised four hundred pounds and he is going back to Kenia! He's going to build a new school! Imagine! Just because of us! He did a lovely slide show with Nat King Cole's "Nature Boy" underneath it. And at the end he said "Hakuna Matata!", and we've adopted it as our motto!» [Fielding 1999: 223]

«Благотворительность и небольшой бизнес – правда, мудро? В общем, собрано четыреста фунтов, и он возвращается в Кению! Строить новую школу! Вообрази! И все благодаря нам! Устроил чудный показ слайдов Ната Кинга Коула, с подписью Дитя Природы. А на прощание сказал "хакуна матата!" – мы решили сделать эти слова нашим девизом!» [Филдинг 2000: 234, перевод А. Н. Москвичева].

При анализе оригинальных текстов и их переводов нам не встречались случаи изменения пунктуационных знаков переводчиками. Как правило, переводчики-мужчины копируют оригинальные конструкции и знаки препинания.

«War es dieselbe Person? War die Ähnlichkeit ein Zufall, eine bloße Einbildung? War sie die Frau, die ich auf dem Bild, in Vaters Armen gesehen hatte? Oder gab es mehrere unbekannte Geliebte?» [Faes 2005: 14]

«Это была та же самая особа? Было ли это сходство случайным, простым совпадением? Была ли это та самая женщина с фотографии, которую отец держал в руках? Или это просто неизвестная возлюбленная?» [перевод Е. И Тимофеева].

Внутренний монолог героя полон риторических вопросов. Сохранение их в переводе важно для того, чтобы показать сложность запутанной жизненной ситуации, в которой находится герой романа: у него накопилось много вопросов к людям, к жизни и к себе. Поэтому сохранение знаков пунктуации вполне закономерно.

Переводчицы иногда меняют пунктуацию предложения, добавляя знаки препинания:

«Oh, Richard, forgive me ... please forgive me» [Steel 1995: 47].

«О, Ричард, прости меня... пожалуйста... прости... я не смогу жить без тебя» [перевод Д. С. Ионовой].

Д. С. Ионова добавила не только многоточие, но и целое предложение «я не могу жить без тебя» в тексте перевода. Такое развертывание, очень характерно для переводчиц-женщин и граничит с переводческой вольностью. В оригинале речь идет о героине, которая тяжело переживает потерю мужа: она отгородила себя от внешнего мира, замкнулась в себе, предаваясь воспоминаниям. Многоточие и повтор фразы «forgive me» передают эмоциональное состояние героини – душевную пустоту. Добавление предложения неоправданно, поскольку лишает текст искренности, делая его наигранным.

Небольшую группу особенностей составляют переводы, в которых наблюдается изменение исходных конструкций, например, замена вопросительных предложений условным наклонением. К ним относится следующий вариант мужского перевода:

«Ich verspürte Gelassenheit und unvermittelt das Bedürfnis, mit jemandem zu sprechen. Sollte ich Kristin anrufen? Oder Vera? Ich wusste nicht» [Faes 2005: 8]

«Я почувствовал спокойствие и потребность с кем-то поговорить. Если бы я знал, кому позвонить: Кристин или Вере!» [перевод Е. И. Тимофеева].

«Я чувствовал спокойствие и неожиданное желание поговорить с кем-нибудь. Может быть, мне следовало позвонить Кристин? Или Вере? Я не знал» [перевод Ю. В. Zubовой].

Мы полагаем, что такие случаи могут иметь место в переводческой практике, при условии, что перевод не имеет серьезных фактических ошибок, а прагматика автора сохранена.

Добавление знаков пунктуации в переводе:

- 1) мужские переводы – 0,5%;
- 2) женские переводы – 23%.

В ходе анализа было установлено, что отечественным переводчикам романов (написанных женщинами) на русский язык присущи определенные особенности и закономерности в мужском и женском вербальном поведении: сохранение образности метафор, эпитетов, сравнений и иронии характерно для женских переводов. На морфологическом уровне женские переводы отличаются полной передачей междометий. На лексическом уровне для переводчиц характерно более частое употребление диминутивов для выражения своего отношения к предметам. Переводчики избегают полного сохранения инвективной лексики, в женских переводах чаще встречаются бранные выражения, вместо нейтральных. Женские варианты отличает употребление синтетической формы прилагательных в превосходной степени, мужские – аналитической. На синтаксическом уровне: переводчицы склонны к добавлению знаков препинания для усиления эмоционального

компонента; в мужских переводах наблюдается сохранение знаков пунктуации оригинала.

В результате проведенного исследования установлено, что социально и культурно обусловленная категория «гендер», обозначающая конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления и понятия о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре, должна рассматриваться не только в рамках языкознания, но и в переводоведении, а гендерный подход к изучению творческой деятельности переводчика должен стать одним из ключевых в современном переводоведении. Личность переводчика оказывает существенное влияние на продукт перевода, так как в процессе его профессиональной деятельности в языке отражается его гендерный статус. Знание гендерных стереотипов даст возможность переводчикам избегать их, не привносить ничего личного в перевод, более внимательно относиться к передаче замыслов автора, с одной стороны, и учету прагматики читателя – с другой. Представляется, что сформированное в ходе исследования видение данной проблемы, при условии понимания ее самими переводчиками, способствует повышению качества перевода, а, значит, более полному и точному восприятию авторского текста реципиентом.

В заключении представлены общие выводы по исследованию и намечены перспективы дальнейшей научно-исследовательской работы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Куликова, Ю. С. Перевод женских романов: гендерный аспект [Текст] / Ю. С. Куликова // Вестник Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2010. – Вып. 21 (202) – С. 53–57.
2. Куликова, Ю. С. Гендерная специфика переводов [Текст] / Ю. С. Куликова // Вестник Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 51 (223) – С. 84–88.

Статьи, опубликованные в сборниках научных работ:

3. Куликова, Ю. С. Особенности письменной и устной речи мужчин и женщин [Текст] / Ю. С. Куликова // Организация содержания проблемного обучения в школе и вузе в условиях модернизации российского образования. Вопросы теории и практики: материалы V Западно-Сибирской Всерос. науч.-практ. конф. (Нижневартовск, 10 нояб. 2009 г.) / под ред. Е. В. Ковалевской. – Нижневартовск : НГГУ, 2009. – С. 127 – 130.
4. Куликова, Ю. С. Инвективная лексика в англоязычной женской литературе и ее перевод [Текст] / Ю. С. Куликова // Язык и межкультурная коммуникация: материалы науч.-практ. конф. (Днепропетровск, 10–11 дек. 2009 г.) / под ред. Ю. А. Шепеля. – Днепропетровск : ДГТУ, 2009. – Т. 1. – С. 43 – 47.

5. Куликова, Ю. С. Проблемы перевода художественной литературы в рамках гендерного подхода [Текст] / Ю. С. Куликова // Языковая система и социокультурный контекст в аспекте когнитивной лингвистики. Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 9–10 нояб. 2010 г.) / под ред.: Н. В. Кормилиной, Н. Ю. Шугаевой. – Чебоксары : ЧГПУ им. Яковлева, 2010. – С. 78–83.
6. Куликова, Ю. С. Язык как средство отражения гендера [Текст] / Ю. С. Куликова // Межвузовский сборник трудов молодых ученых Studium Juvenis / под ред. Н. Н. Кошкарновой. – Челябинск : СИМАРС, 2010. – Вып. 3. – С. 73–76.
7. Куликова, Ю. С. О влиянии гендерных стереотипов на переводчика [Текст] / Ю. С. Куликова // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 апр. 2010 г.) / под ред. Е. Н. Малюга. – М.: РУДН, 2010. – С. 112–114.
8. Куликова, Ю. С. Реализация гендерного фактора в переводах «женских» романов [Текст] / Ю. С. Куликова // Синергетическая лингвистика vs. лингвистическая синергетика: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 8–10 апр. 2010 г.) / под ред. Н. Л. Мышкиной. – Пермь : ПГТУ, 2010. – С. 300–306.
9. Куликова, Ю. С. Языковая личность переводчика в контексте гендерных исследований [Текст] / Ю. С. Куликова // Альманах современной науки и образования / под ред. Е. В. Рябцевой. – Тамбов : Грамота, 2010. – № 10 (41). – С. 197–199.
10. Куликова, Ю. С. Гендер как один из важнейших аспектов перевода «женских» романов [Текст] / Ю. С. Куликова // Научное творчество XXI века: материалы II всеросс. науч. конф. (Красноярск, окт. 2010 г.) / под ред. Я. А. Максимова. – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2010. – № 4(10). – Ч. 7. – С. 93–94.
11. Куликова, Ю. С. Стереотип как результат восприятия языковых личностей других культур [Текст] / Ю. С. Куликова // Сборник статей участников V междунар. науч. конф. (Челябинск, 26–27 апр. 2010 г.) / под ред. Е. Н. Азнамесовой. – Челябинск : ООО «Энциклопедия», 2010. – Т. 2. – С. 38–41.
12. Куликова, Ю. С. К вопросу о влиянии культуры на гендерные стереотипы переводчика [Текст] / Ю. С. Куликова // Иностранные языки в Байкальском регионе: опыт и перспективы межкультурного диалога: материалы междунар. науч. – практ. конф. (Улан-Удэ, 9–10 сент. 2010 г.) / под ред. Н. В. Языковой. – Улан-Удэ : БурГУ, 2010. – С. 161–163.

Подписано в печать 16.05.2011.
Формат 60 x 90/16. Объем 1,0 уч.- изд. л.
Тираж 120 экз. Заказ № 1247
Бумага офсетная.
Отпечатано на ризографе в типографии ЧГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.